

Синтаксические функции предикативных причастий в «Вопрошании Кирика, Саввы и Ильи»

А. А. Пичхадзе

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук, Россия,
rusyaz@yandex.ru*

Аннотация. В статье описывается функционирование предикативных причастий в «Вопрошании Кирика, Саввы и Ильи», созданном в Новгороде в середине XII в. Материал памятника довольно полно отражает функционирование предикативных причастий в древнерусском языке. Среди причастных конструкций, зафиксированных в памятнике, есть возникшие в индоевропейскую эпоху, их отличительной особенностью является способность заполнять валентность главного глагола. К их числу относятся две конструкции при глаголах восприятия, мысли и речи – номинативная конструкция и винительный с причастием, а также две конструкции, в одной из которых причастие зависит от фазовых и близких к ним по значению глаголов, а во второй обозначает причину/повод. Употребление этих древних конструкций в памятнике ограничено. Шире используется балтославянская инновация – причастная предикация, присоединяемая неопределенными местоимениями в контекстах произвольного выбора, а также причастная конструкция контактного предшествования, которая возникла уже на восточнославянской почве. Самыми частотными в «Вопрошании» являются причастные предикации с адвербиальным значением. Данные «Вопрошания» свидетельствуют о том, что предикативные причастия к середине XII в. уже в значительной степени утратили способность склоняться.

Ключевые слова: древнерусский язык, предикативные причастия, «Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи»

Для цитирования: Пичхадзе А. А. Синтаксические функции предикативных причастий в «Вопрошании Кирика, Саввы и Ильи» // *Scriptorium slavicum*. 2024. № 1. С. 46–58. <https://doi.org/10.20913/script-2024-1-04>

LINGUISTIC SOURCE STUDIES

Article

Syntactic Functions of Predicative Participles in the "Questions of Kirik, Savva and Ilya"

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia
rusyaz@yandex.ru

Abstract. The article describes the functioning of predicative participles in the *Questions of Kirik, Savva and Ilya*, created in Novgorod in the middle of the 12th century. The material of the monument reflects the functioning of predicative participles in Old Russian language quite completely. Among the participial constructions attested in the *Questions*, there are some that originated in the Indo-European era, their distinctive feature being the capacity to fill the valency of the main verb. They include two constructions with verbs of perception, thought and speech – the nominative construction and the accusative with participle, as well as two constructions, in one of which the participle depends on phase verbs or verbs close to them in meaning, and in the second one denotes the cause / reason. The use of these archaic constructions in the *Questions* is limited. The Balto-Slavic innovation – the participial clause attached by indefinite pronouns in contexts of free choice – is used more widely. The participial immediate anteriority construction has already appeared in East Slavic. The most frequent in the *Questions* are participial clauses with adverbial meaning. The data of the *Questions* testify to the fact that by the middle of the 12th century predicative participles had already largely become indeclinable.

Keywords: Old Russian language, predicative participles, *The Questions of Kirik, Savva and Ilya*

Citation: Pichkhadze A. Syntactic Functions of Predicative Participles in the "Questions of Kirik, Savva and Ilya". *Scriptorium slavicum*. 2024, no. 1, pp. 46–58. <https://doi.org/10.20913/script-2024-1-04>

Введение

«Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи», созданное в середине XII в., содержит вопросы трех новгородских священников новгородскому епископу Нифонту и некоторым другим священникам и ответы адресатов на эти вопросы. Большинство вопросов принадлежит Кирику – 101, Савва задал 24 вопроса, Илья – 28. «Вопрошание» сохранилось в трех редакциях – Основной, входившей в состав кормчих, Особой, в которой вопросы и ответы были сгруппированы по тематическому принципу, и Краткой, содержащей преимущественно ответы (вопросы часто сокращены или опущены). Древнейший список «Вопрошания» – Новгородская кормчая 1282 г. (ГИМ, Син. 132), по которому памятник цитируется ниже. Во всех редакциях первоначальный текст подвергся порче, а в Особой редакции еще и стилистической правке, так что для восстановления исходного состояния текста необходимо принимать во внимание данные по меньшей мере двух редакций, сохранивших текст памятника в полном объеме, – Основной и Особой. Однако существенных расхождений в употреблении причастий между двумя редакциями не наблюдается.

«Вопрошание» отличается ярким своеобразием в использовании языковых средств [Гиппиус, 1996], в том числе синтаксических. В частности, памятник содержит богатый материал для изучения разных грамматических процессов, связанных с эволюцией предикативных причастий. В памятнике, несмотря на его небольшой объем, представлен с уникальной полнотой репертуар конструкций, в которых причастие выполняет предикативную функцию, то есть функцию второстепенного сказуемого. Если причастий, употребленных в функции атрибута (определения), в «Вопрошании» чуть более сорока, то причастий в разнообразных предикативных функциях – около сотни. Такой перевес объясняется не только особенностями жанра или способностью предикативного причастия в славянских языках Средневековья употребляться в функциях, впоследствии утраченных (о них в основном и пойдет речь далее), но и тем, что причастие даже в адвербиальной функции, которая унаследована современным деепричастием, в древних памятниках более частотно, чем деепричастие в современных языках [Večerka, 1996, s. 178–180]. Это хорошо видно и по переводу на современный русский язык примеров из «Вопрошания», которые приводятся ниже.

Причастие в адвербиальной функции

Самая многочисленная категория предикативных причастий в «Вопрошании» – адвербиальные причастия, как одиночные, так и являющиеся синтаксическими вершинами причастных оборотов. Помимо адвербиальной семантики (образа действия, условия и др.), они выражают таксисные отношения: причастия настоящего времени передают значение одновременности действию главного предиката, а причастия прошедшего времени – значение предшествования. Субъект причастия, за единичными

исключениями, совпадает с субъектом главного предиката и стоит в именительном падеже:

Аще кто холостъ боудѣ. створить блудѣ. и ѿ того сѧ дѣти родить. достон[т] ли поставити дьякономъ 'Если кто-то, будучи холостым, сотворит блуд и от этого родится ребенок, подобает ли поставить его дьяконом?' 530 (К 79¹);

остави р(ч)е. въ великую субботу служивъ. причащаник и дороу. и дан по заутренѣ в не(д)лю 'оставь, сказал он, в Великую субботу после службы причастие и дору и дай [оставленное] после заутрени в воскресенье' 526 об. (К 58).

В древнерусских юридических текстах и в грамотах – как бытовых, так и деловых – преобладает препозиция причастной предикации по отношению к главной, в то время как для летописей и житий, как и для старославянских памятников, существенно противопоставление причастий настоящего и прошедшего времени: первые располагаются обычно после главной предикации, вторые – перед ней [Живов, 2017, с. 391–392, 394–405, 450–452]. В. М. Живов показал, что такой иконический порядок расположения причастной предикации по отношению к главной характерен для нарративных памятников, поскольку для них важно обозначить последовательность событий, в то время как в ненарративных текстах соотношение препозитивных и постпозитивных причастных предикаций выглядит иначе [Живов, 2017, с. 406–410, 458]. «Вопрошание» полностью подтверждает наблюдения В. М. Живова. Обороты с причастием прошедшего времени фиксируются здесь в препозиции 36 раз, в постпозиции – 32, с причастием настоящего времени в препозиции – 15, в постпозиции – 16 раз. С учетом того что показания списков в некоторых (очень редких) случаях расходятся, можно констатировать: число препозиции и постпозиции для причастий настоящего и прошедшего времени практически одинаково. Это обусловлено ненарративным характером памятника, в котором отсутствуют длинные цепочки предикаций, описывающих последовательно сменяющие друг друга события. В «Вопрошании» в каждом вопросе описывается изолированная ситуация и позиция адвербиального причастия, судя по всему, отражает его смысловую связь с главным глаголом. В следующем примере первое из четырех причастий относится непосредственно к сути задаваемого вопроса, остальные указывают на уточняющие обстоятельства, сопутствующие действию главного глагола:

Попу вѣлѣноу вывшоу съ своєю женою предъ службою дн(е)мъ лѣтъ служити ополоскавшесѧ до пояса. а не кланявшесѧ или не мывшесѧ 'Попу из белого духовенства, имевшему сексуальный контакт с женой днем перед службой, можно служить, ополоснувшись до пояса, но не совершая поклоны и не мывшись' 522–522 об. (К 28).

¹ В скобках после листа Новгородской кормчей указывается номер вопроса Кирика, Саввы или Ильи и инициал задавшего вопрос, в соответствии с нумерацией в книге: Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. Москва : Кругъ, 2011. 537 с.

Расположение причастий может быть противоположно временной последовательности событий: в вопросе Саввы из четырех предикативных причастий прошедшего времени два расположены перед главным предикатом, а два других – после него, причем все четыре причастия обозначают действия, предшествующие глаголу, два последних причастия – самое раннее, а первое – самое позднее в цепочке действий, предшествующих времени главного глагола:

Аще сѧ мывше израныя вѣставъше. а слоужити любо поспавъ любо не поспавъ 'Если помывшись, встав рано утром, и служить, или поспав или не поспав?' 534 об. (С 11).

Причастная предикация в роли аргумента

В «Вопрошании» имеются случаи употребления четырех древних индоевропейских конструкций, в которых причастие заполняет валентность главного глагола. К их числу относятся две конструкции при глаголах восприятия, мысли и речи, представляющие собой вложенные предикации, то есть сентенциальные актанты, – номинативная конструкция и винительный с причастием. В двух других конструкциях причастный оборот выполняет функцию аргумента: одна из них зависит от фазовых и близких к ним по значению глаголов, во второй причастие обозначает причину/повод.

Номинативная причастная конструкция

В древнерусском языке, как и в церковнославянском, при глаголах восприятия, мысли и речи, если их действие распространяется на самого субъекта, употреблялась архаичная конструкция, в которой воспринимаемое или описываемое действие выражалось причастием в именительном падеже; при этом субъект главного предиката совпадал с субъектом причастия, а субъект причастия обязательно эллиптировался [Пичхадзе, 2017]. Номинативная причастная конструкция эквивалентна придаточному предложению. Главный глагол может иметь транзитивную (переходную) или медиальную диатезу. В «Вопрошании» представлены (по одному разу) оба варианта – при глаголах творити 'говорить, сообщать' и творитисѧ 'говорить, сообщать о самом себе':

творѣтъ инни слышавъше. Ѡ инѣхъ кп(с)пѣ. тако застанешъ въ силѣхъ. оуже оудавивъшесѧ. тоу зарѣжи не вынимаѧ 'Некоторые утверждают, будто слышали от других епископов, что [если] найдешь в силах уже задохнувшееся [животное], тут же зарежь, не вынимая' 530 об. – 531 (К 87);

а творѣшесѧ и кп(с)па прошавъ. инѣхъ 'а он говорил, что спрашивал и епископа, [и] других' 524 (К 45).

Винительный с причастием

При глаголах восприятия, мысли и речи в древнерусском употреблялась также конструкция *accusativus cum participio* (винительный с причастием). В ней часто видели церковнославянскую кальку с греческого, однако разнообразные факты, в том числе фиксация в новгородской берестяной грамоте, свидетельствуют, что она была присуща и древнерусскому узусу [Пичхадзе, 2023]. Тем не менее в «Вопрошании» винительный с причастием, встретившийся дважды, оформлен в соответствии с церковнославянскими нормами: причастие согласуется со своим субъектом и содержит рефлекс *-щ-* < **-tj-*, хотя в целом предикативные причастия настоящего времени в памятнике имеют восточнославянское *-ч-* [Larsen, 2001, p. 188–195, 202–205]:

аже поа оувѣдаѣтъ недостоинѣ слоужаща. а боудеть кмоу снѣ. что подоваѣтъ кмоу творити 'если узнает, что поп служит недостойным образом, будучи его (духовным) сыном, что следует делать?' 527 об. (К 66);

кже творишь. и митрополита георгия роусьскаго написавъша 'что, как ты говоришь, написал и русский митрополит Георгий' 533 (К 101).

Причастие при фазовых и близких по значению глаголах

В древних индоевропейских языках в роли дополнения при фазовых глаголах мог выступать не только инфинитив, но и причастие. А. А. Потебня [Потебня, 1958, с. 161] приводит литовские причастные конструкции, зависящие от глаголов со значением 'пребывать (в каком-либо состоянии)' и 'перестать/переставать'. В древнегреческом причастная конструкция регулярно употреблялась при глаголах со значением 'начинать', 'продолжать', 'прекращать', а также 'терпеть, переносить' [Rijksbaron, 1994, p. 117]. В славянских памятниках причастие чаще всего фиксируется после глаголов *прѣбыти/прѣбывати* 'пребывать (в каком-либо состоянии)' и (*съ*)-*коньчати* 'закончить' [Večerka, 1993, s. 97]. Причастная конструкция при фазовых и семантически близких глаголах, как и при глаголах восприятия, мысли и речи, предполагает совпадение субъекта главного предиката и причастия и эллипсис субъекта причастия. Она также заполняет собой обязательную валентность глагола на прямое дополнение. В «Вопрошании» есть всего один контекст, который, по-видимому, относится к этой категории случаев, – с глаголом *блѹстисѣ* 'сохранять себя в каком-либо состоянии', семантически близким к глаголам со значениями 'продолжать находиться, пребывать (в каком-либо состоянии)', 'терпеть, переносить':

не могутъ до обѣда блѹстисѣ не гдоуче 'не могут до обеда вытерпеть (букв.: сохранять себя в состоянии), не принимая пищи' 526 об. (К 58).

Здесь в причастии представлен ожидаемый восточнославянский рефлекс *-щ-* < **-tj-*.

Причастие в роли аргумента, обозначающего причину

Довольно редко встречается в славянских памятниках причастный оборот, который заполняет валентность главного глагола на аргумент, обозначающий причину, основание, повод. Обычно такая конструкция зависит от эмотивных глаголов, причастный оборот при этом обозначает стимул эмоции, ср. примеры с глаголами *сѣжалитисѧ* и *калатисѧ* в [Потебня, 1958, с. 157]. Аналогичная конструкция при глаголах эмоций употреблялась в балтийских языках, древнегреческом [Потебня, 1958, с. 157] и санскрите [Speyer, 1886, p. 291]. Однако причастная конструкция используется для обозначения причины/основания и при других предикатах. В «Вопрошании» можно отметить два примера:

рци кмоу не достонитъ ти имати і намъ. мнѣ рци грѣхъ не молвѣше
'скажи ему: "Не следует тебе брать проценты! Мне, – скажи, – грех не сказать"' 519 (К 4);

аже ли жена ѿ моужа со инымъ. то моужь не виноватъ. поукаѧ ю. вже ли моужь на женоу свою не лазитъ бе-сѣѣта. то жена не виновата. идоучи ѿ него
'Если жена изменяет мужу, то муж не виноват, что разводится с ней. Если же муж не вступает в сексуальные отношения со своей женой без разумных причин, то жена не виновата, что уходит от него' 531 об. (К 92-93).

Характерно, что и здесь во втором примере представлен восточнославянский рефлекс *–ч–* < **–tj–*, а в первом – несогласованное причастие (о нем см. подробнее ниже).

Причастные предикации, присоединяемые союзами и союзными словами

Причастные предикации с неопределенными местоимениями и наречиями в контекстах произвольного выбора

Самый распространенный тип зависимых предикаций с причастиями в роли вершины вводится неопределенными местоимениями и наречиями, не имеющими выраженного признака неопределенности, то есть по форме совпадающими с вопросительными местоимениями *къто, чѣто, како, кѣде* и т. п. В церковнославянских памятниках такие причастные предикации могут вводиться относительным местоимением *иже*. Они употребляются в контекстах произвольного выбора, где союзное слово указывает не на конкретный, а на любой, какой угодно субъект/объект, обстоятельство или свойство. Использование причастия вместо личной формы глагола в тех же самых условиях является балтославянской инновацией и возможно в балтийских языках до сегодняшнего дня [Пичхадзе, 2020, с. 258–270]. Значение произвольного выбора часто реализуется при описании обобщенных, повторяющихся ситуаций. Именно такие ситуации рассматриваются в «Вопрошании», поэтому здесь много причастных предикаций, присоединенных неопределенными местоимениями и наречиями. Они, однако, отмечены только в вопросах Кирика – 18 раз, то есть весьма часто:

ци приливати воды. к виноу коли даюче
'доливать ли воду в вино, когда даем?' 521 (К 14);

накаваи р(ч)е ложкою ис потира. когда Ѡнимаѣ 'накапай, – сказал он, – ложкой из чаши, когда берешь' 521 (К 15);

гороухъ. бобѣъ. соцевница. ривифъ. на .Ѧ. части воспше. со пшеницею и с коноплями. а овощъ которыи имѣюще 'горох, бобы, чечевица, ривиф, всыпав в равных долях, с пшеницей и коноплей, а фрукт – любой, который есть' 523 (К 38).

Дважды встретились причастные предикации с относительным местоимением иже:

Ѧ в лохани р(ч)е в неже мывса. пью из неѣ. иноу водоу вѣльгавъ 'А в логани, – сказал он, – в которой мылись, пьют из неё, налив другую воду' 522 об. – 523 (К 35);

достонт ли. надъ младомъ дѣтѣтемъ пѣти. Ѧ во тѣ ча(с) во неже кр(с)-тившесѣ [в др. списках: кр(с)тивше] '«Нужно ли отпевать маленького ребёнка?» – «В тот час, когда крестили»' 525 об. (К 51).

Чаще всего в роли вершины зависимых предикаций отмечены причастные формы модальных глаголов моци (1 раз: како мога 'как сможет' 518 об., К 3) и хотѣти (12 раз), см. примеры в [Пичхадзе, 2020, с. 265]. Причастия имеют восточнославянское окончание -а (мога) или содержат восточнославянский рефлекс -ч- < *-tj-: что хотѣче 'что им угодно' 520 об., коли хотѣче 'когда хотят' 521, колико хотѣче 'сколько хотят' 523, въ чемъ хотѣче 'в чем хотят' 531 об.; однажды даже представлена форма с новгородским цоканьем: како хотѣци 'как угодно' 527. Это свидетельствует об активном употреблении причастных предикаций с неопределенными местоимениями и наречиями в контекстах произвольного выбора в восточнославянском узусе середины XII в.²

Контактное предшествование

Еще одна причастная конструкция с союзом или союзным словом, часто встречающаяся в восточнославянских текстах, обозначает действие, непосредственно предшествующее действию главного глагола [Пичхадзе, 2020, с. 277–281]. В более книжных текстах причастная предикация присоединяется союзами яко или како, в менее книжных – специфическими восточнославянскими лексемами оли/ольна/ноли/нольны/нольни/нольна 'только после того, как', которые можно трактовать как союзы или рестриктивные частицы. В «Вопрошании» отмечен – трижды – только вариант оли:

и раздрѣшити оли давше причастык 'и разрешить, только после того, как будет дано причастие' 525 (К 50);

преломить тѣ(Ѧ). и положить на дискосѣ. ис правок роуки. а в лѣвон преломить. вѣрхнюю часть. в потиръ вложить. а исподнюю Ѡ себе

² Причастный оборот, присоединенный условным союзом, видимо, появился в тексте «Вопрошания» по ошибке: второй союз аже, очевидно, возник в результате повтора и является лишним: аже выша съблюди тоу (но)чь. аже хотѣче заутра причащатисѣ. а по причащании. съблюдоутъ дроугую. то добро 'если бы вытерпели ту ночь, желая утром причащаться, а после причастия вытерпели бы другую, то хорошо' 538 об. – 539 (И 21).

положить. но ѡлн ѡнѣ двѣ части въземъ. то сѹ положивъ. и начнеть ломити. ис правѡхъ роуки. покладываѡ на дискѡсъ '[поп] преломит Тѡло и положит на дискѡсе из того, что находится в правой руке, а в левой преломит верхнюю часть и вложит в чашу, а нижнюю отложит от себя, но только взяв те две части, положив эту, начнет преломляти то, что в правой руке, выкладывая на дискѡсъ' 535 (С 12);

А иже то бабать. а тѣмъ повели. на .ѡ. дѣни. ѡлоучитисѡ ѡ цр(к)вѣ. ѡлн мл(т)ѡа въемъше ч(с)таѡа тоже влазити 'А кто принимает роды, тем вели 8 дней не ходить в церковь. Только после молитвы очищения входить [в церковь]' 539 (И 26).

Гетеросубъектные причастные конструкции

В «Вопрошании» дважды отмечены редкие в славянской письменности причастные конструкции, которые отличаются от всех рассмотренных выше тем, что в них субъект причастия не совпадает с субъектом главного глагола. При этом субъект причастия может совпадать с одним из второстепенных членов главного предложения, в том числе эллиптированным, но может и не совпадать. От именительного самостоятельного такие конструкции отличаются тем, что вводятся подчинительными союзами. Ввиду скудости материала трудно сказать, в чем заключалась семантическая специфика гетеросубъектных причастных предикаций; неясно, составляют ли они самостоятельную категорию причастных конструкций или же являются результатом расширения по аналогии с причастными оборотами, в которых субъект причастия и главного глагола идентичен.

В первом примере из «Вопрошания» субъект причастия совпадает с дополнением главного глагола, во втором – не совпадает ни с одним из членов главного предложения:

помани онсего. аже бывѡи набоженка 'помяни такого-то, если он был набожный человек' 519 (К 3);

не мытисѡ кмѹ томъ дѣни. развѣ попъ отеръ гоувою лице. ѡкоже в молитвенницѣ кажетъ 'не мыться ему в тот день, разве только поп оботрет губкой лицо, как сказано в молитвеннике' 525 (К 50).

Именительный объекта при причастии

«Вопрошание» содержит не меньше 12 инфинитивных оборотов, в которых прямое дополнение выражено именительным падежом, хотя и тривиальное управление винительным падежом тоже не редкость [Циммерлинг, 2019, с. 307; Ронько, 2016, с. 158, 164, 166–169]. Именительный объекта при инфинитиве – хорошо известная диалектная особенность северо-западных русских диалектов, зафиксированная в древнерусской письменности с древнейших памятников. Однако в «Вопрошании», у Кирика и Ильи, именительный объекта употребляется не только при инфинитиве, но и при причастии

[Циммерлинг, 2019, с. 307] – по-видимому, это самые ранние фиксации номинативного дополнения при причастии:

проскоура бо испроскоумисавше во олтарн. а боле кѣ не носѣть [вместо носѣть] над коутью 'принеся просфору в алтаре, больше её не носят над кутей' 523 (К 38);

или мла(т)ва вземъше ч(с)тага тоже влазити 'как только совершится молитва очищения, тогда входить [в церковь]' 539 (И 26).

Несклоняемое предикативное причастие

Предикативные причастия в «Вопрошании» иногда корректно склоняются, прежде всего в оборотах, которые оформляются как книжные, – ср. выше оборот «винительный с причастием», а также близкий к нему оборот с союзом яко в значении 'в качестве':

пох(ѣ)лилъ баше. яко то горазно створша 'похвалил [меня] как поступившего хорошо' 519 об. (К 5).

Однако гораздо чаще предикативное действительное причастие в «Вопрошании» употребляется в неизменяемой форме с окончанием *-че/-чи* в настоящем времени и *-(в)ше/- (в)ши* в прошедшем, которая первоначально являлась формой множественного числа мужского, а в восточнославянском – с древнейших памятников письменности – и женского рода в именительном падеже и при этом совпадала с формой единственного числа женского рода в именительном падеже. В большинстве контекстов субъект причастия совпадает с субъектом главного глагола и поэтому стоит в именительном падеже. Несогласованность причастия проявляется, когда субъект обозначен формой косвенного падежа. Чаще всего это происходит в инфинитивных конструкциях, в которых субъект принимает форму дательного падежа. Утрата склонения причастиями в инфинитивных оборотах широко распространена как в старославянских, так и в восточнославянских текстах начиная с древнейших памятников [Пичхадзе, 2016, с. 501–505; Живов, 2017, с. 375–377]. Особенно легко согласование утрачивалось при имплицитном (невыраженном) субъекте инфинитива. В «Вопрошании» можно обнаружить немало контекстов такого рода:

А дѣтѣ кр(с)тѣче. дати причастък 'А крестя ребёнка, дать причастие' 522 об. (К 31);

а предѣ обѣднею ополоснувшесѣ и тако причащат[и]сѣ 'а перед обедней нужно ополоснуться и потом причащаться' 524 об. (К 45) и т. п.

Несогласованное причастие употребляется и в тех случаях, когда субъект прямо не назван, но однозначно восстанавливается из предшествующего контекста:

аже ли сѣмѣ оузришь на портѣхъ. а жены не видѣлъ кси боудешь въ снѣ. то ополоснувшесѣ. въ нынѣшны портѣхъ убѣлѣхъ слоу(ж)ти 'если увидишь семя на одежде, а жены во сне не видел, то служить, ополоснувшись, одевшись в другую одежду' 536 (С 17).

Наконец, несогласованное причастие регулярно употребляется и там, где субъект в дательном падеже эксплицитно выражен и даже занимает контактную позицию с причастием:

а хотаче комоу причащатиса в не(д)лю. то в соуботоу измытиса рано 'а тому, кто хочет причащаться в воскресенье, [нужно] в субботу помыться рано' 526 об. (К 57);

Попови достонтъ. хотаче погроужати въ водѣ. роуцѣ собе завити. а[тъ] не омочитиса опастѣк 'Попу подобает, когда он собирается окунать в воду, завернуть рукава, чтобы не замочить их у запястья' 523 об. (К 41);

а попови идоуче въ алтарь на выходъ. то въ козмитъ цѣловати 'а попу, идущему в алтарь на выход, [следует] целовать косяк Царских врат' 535 об. (С 13).

Несогласованные причастия находим не только в инфинитивных конструкциях:

А кже чл(в)къ причащавъсѧ. а спавъ блюкетъ томъ днѣ. одна р(ч)е епитимѧ. тако спавше тако и не съпавъше 'А что человек, причастившись, а потом поспав, выблюет в тот же день? «Одна, – сказал он, – епитимья, как спавшему, так и не спавшему»' 537 об. (И 9).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что процесс утраты склонения у кратких предикативных причастий во всех позициях к середине XII в. уже зашел очень далеко, по крайней мере в новгородском диалекте. Эти данные хорошо согласуются со свидетельствами других восточнославянских памятников, указывающими на завершение процесса утраты склонения краткими действительными причастиями к концу XII в. в живом древнерусском языке [Живов, 2017, с. 434].

Некоторые выводы

Благодаря чрезвычайно высокой частотности действительных предикативных причастий в «Вопрошании» его материал довольно полно отражает их функционирование в середине XII в. у восточных славян. Среди причастных конструкций, употребляющихся в это время, есть сложившиеся в индоевропейскую эпоху, их отличительной особенностью является способность заполнять валентность главного глагола. Специфические индоевропейские конструкции распространены уже не очень широко. Шире употреблялась балтославянская инновация – причастная предикация, присоединяемая союзными словами в контекстах произвольного выбора. Однако и ее употребление было ограниченным: в «Вопрошании» она зафиксирована только у Кирика. Напротив, причастная конструкция контактного предшествования, восточнославянского происхождения, отмечена у всех трех авторов «Вопрошания», и этот факт, вместе с тем обстоятельством, что конструкция сохранялась в русском языке вплоть до XVIII в., заставляет думать, что в XII в. она активно использовалась. Но самыми частотными в «Вопрошании» являются причастные предикации с адвербиальным значением, в которых причастие в значительной степени уже застыло в неизменяемой форме на *-че/-чи* и *-(в)ше/-(в)ши*, то есть

приблизилось к современному деепричастию. Учитывая, что предикативные причастия в «Вопрошании» обычно имеют восточнославянскую форму (окончание -а в настоящем времени в именительном падеже единственного числа мужского рода у корневых глаголов, рефлекс -ч- < *-tj-), и принимая во внимание данные других памятников, можно предположить, что так же обстояло дело и в живом древнерусском языке.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. А. А. Пичхадзе входит в редакционную коллегию журнала *Scriptorium slavicum*, но не имеет никакого отношения к решению редколлегии опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

The author has read and approved the final manuscript.

Conflict of interest. Anna A. Pichkhadze is a member of editorial group of *Scriptorium slavicum* but has nothing to do with the decision of the editorial board to publish this article. The article has undergone the peer review process accepted in the journal. The author did not declare any other conflicts of interest.

Список литературы / References

Гиппиус А. А. «Русская правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской Кормчей 1282 г. (к характеристике языковой ситуации древнего Новгорода) // *Славяноведение*. 1996. № 1. С. 48–62 [Gippius AA (1996) "Russian Truth" and "Questioning Kirik" in the Novgorod Nomocanon, 1282 (to characterize the linguistic situation of ancient Novgorod). *Slavyanovedenie* 1996 1: 48–62. (In Russ.)].

Живов В. М. История языка русской письменности. Т. 1. Москва, 2017. 815 с. [Zhivov VM (2017) History of the language of Russian writings. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)].

Пичхадзе А. А. О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Москва, 2016. Вып. 10. Материалы Международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая – 1 июня 2016 г.). С. 499–515 [Pichkhadze AA (2016) On predicative vs. attributive participles in Old Russian: indeclinable participles. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Moscow, iss. 10, pp. 499–515. (In Russ.)].

Пичхадзе А. А. Славянская номинативная конструкция при глаголах восприятия, мысли и речи // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 7–19 [Pichkhadze AA (2017) Slavic nominative construction with verbs of perception, thought, and speech. *Voprosy yazykoznaniiya* 6: 7–19. (In Russ.)].

Пичхадзе А. А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса. Санкт-Петербург, 2020. С. 256–285 [Pichkhadze AA (2020) Slavic participle as predicate in dependent clauses. *Ocherki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa*. Saint Peterburg, pp. 256–285. (In Russ.)].

Пичхадзе А. А. Винительный с причастием при глаголах восприятия, мысли и речи в древнерусском языке и русских говорах // От сорочка к Олекше : сб. ст. к 60-летию А. А. Гиппиуса. Москва, 2023. С. 511–521 [Pichkhadze AA (2023) The accusative with participle construction with verbs of perception, thought and speech in Old East Slavic and Russian dialects. *Ot sorochka k Olekshe : sb. st. k 60-letiyu A. A. Gippiusa*. Moscow, pp. 511– 521. (In Russ.)].

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Москва, 1958. 536 с. [Potebnya AA (1958) Essays on Russian grammar. Vol. 1–2. Moscow. (In Russ.)].

Ронько Р. В. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1. С. 158–181 [Ron'ko RV (2016) Differential object marking in infinitival clauses in Old Russian. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* 1: 158–181. (In Russ.)].

Циммерлинг А. В. Кому проспяти заутреня и ловити рыба? Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // *Die Welt der Slaven*. 2019. Nr. 2. S. 299–337 [Zimmerling AV (2019) Who wants to sleep through matins and go fishing? Nominative case of the complement of the infinitive as the subject of grammatical description. *Die Die Welt der Slaven* 2: 299–337. (In Russ.)].

Larsen K. The Correlation between *tj-Reflex and Syntax (based on forms of the present active participle in «Voprashanie Kirika» and «Pouchenie Vladimira Monomakha») // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25, no. 2. P. 183–207. URL: <https://www.jstor.org/stable/40160644> (accessed: 09.10.2024). (In Eng.).

Rijksbaron A. The syntax and semantics of the verb in classical Greek. An introduction. 2nd ed. Amsterdam: J. C. Gieben, 1994. XII, 185 p. (In Eng.).

Speyer J. S. Sanskrit syntax. Leyden: Brill, 1886. 423 p. (In Eng.).

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur. Frankfurt: U. W. Weiher-Verlag, 1993. 411 s. (In Ger.).

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. III. Die Satztypen: der einfache Satz. Frankfurt: U. W. Weiher-Verlag, 1996. 243 S. (In Ger.).

Информация об авторе

Анна Абрамовна Пичхадзе,
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
ул. Волхонка, 18/2, Москва, 119019, Россия,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0034-5546>
rusyaz@yandex.ru

Information about the author

Anna A. Pichkhadze,
Doctor of Philology, Corresponding
Member of the RAS,
Chief Researcher of Vinogradov Russian
Language Institute of the Russian Academy
of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0034-5546>
rusyaz@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received 16.03.2024

Получена после доработки / Revised 05.07.2024

Принята для публикации / Accepted 27.10.2024